

зу социальной патологии. Это насилие тотальной десакрализации социального пространства, тотального замедления торжества социальных закономерностей. Насилие, учреждающее веру в общий интерес и вызывающее желание действовать в его контексте, является тем учреждающим насилием, которое позволяет отстоять сакральное значение многих социальных институтов и наметить правильную стратегию социального развития. Государство при таком насилии возвращается в историю и превращает народ в полноценного политического субъекта.

Примечание

1. Цит. по: Грицанов А. А. Жиль Делез. Минск : Кн. дом, 2008. С. 37.

ДЕРЕВСКОВА В. М.

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В УГОЛОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Право на обжалование судебных решений является не только реализацией конституционного права на обжалование в суд решений и действий (бездействия) органов государственной власти и должностных лиц (ч. 2 ст. 46 Конституции РФ) и служит защитой интересов частных лиц, но также отвечает интересам правосудия. В судах общей юрисдикции апелляционный пересмотр судебных актов, принятых по первой инстанции, закреплялся в связи с введением института мировых судей, но в полном объеме его регулирование было осуществлено в УПК РФ 2001 г. и ГПК РФ 2002 г. Однако это не означает, что апелляционный порядок пересмотра судебных решений – институт, принципиально для нашего государства новый. Такой порядок существовал в дореволюционной России и был введен судебной реформой 1864 г. и предусматривался в Уставе уголовного судопроизводства и Уставе гражданского судопроизводства [1].

Апелляционный порядок пересмотра в XIX в. действовал в следующих случаях: 1) на все приговоры и решения мировых судей, кроме окончательных (окончательным приговор считался, если в нем предусматривалось наказание в виде штрафа 15 руб. или трех дней ареста, в Сибири – штрафа 100 руб. и трех дней

ареста, а также окончательно мировой судья разрешал споры с ценою иска до 30 руб., а в Сибири – до 100 руб.) [2]; 2) на все неокончательные приговоры и решения, принятые окружными судами по первой инстанции и не вступившие в законную силу. Поскольку в дореволюционной России существовали две самостоятельные системы судов, которые сходились только в высшей кассационной инстанции в лице Сената: мировые (мировой судья и съезд мировых судей) и общие судебные места (окружные суды и судебные палаты), то апелляционный порядок пересмотра предусматривался для решений низших судов этих систем, принятых по первой инстанции и не вступивших в законную силу.

В первом случае апелляционной инстанцией выступал съезд мировых судей, а в Сибири, поскольку не было создано такого органа, и мировой судья подчинялся общим судебным местам в лице окружного суда. Во втором случае апелляция подавалась в судебную палату. Но во всех указанных случаях пересмотр осуществлялся коллегиальным путем.

Апелляционные отзывы и протесты в судебную палату могли подаваться на приговоры окружных судов округа судебной палаты. Апелляционный отзыв могли подать обвиняемый, частный обвинитель, гражданский истец. Апелляционный протест подавался прокурорами окружных судов только в том случае, если приговор был вынесен не в соответствии с данным им заключением и только по вопросам, по которым их требования не были удовлетворены судом. За несовершеннолетних и иных лиц, лишенных возможности пользоваться своими правами, отзывы могли подавать их законные представители (ст. 856–877 УУС и ст. 88–89 «Временных правил о применении Судебных Уставов к губерниям и областям Сибири») [3]. Апелляционные отзывы и протесты должны были подаваться в окружной суд, вынесший приговор, не позднее двухнедельного срока. После поступления в установленный срок в окружной суд отзыва или протеста на приговор все производство по делу должно было незамедлительно направляться в судебную палату. При производстве дела в апелляционной инстанции действовали те же принципы судопроизводства, которые были установлены для производства в окружных судах. Однако участие обвиняемого не было обязательным, что вело к ограничению принципа непосредственности и состязательности на этой стадии процесса. Наличие защитника призна-

валась обязательным, но, как правило, его участие было не столь активным, как при первоначальном рассмотрении дела [4]. Неприбытие участвующих в деле лиц в судебную палату в день рассмотрения дела, а также непредставление возражений против отзывов или протестов не влекло за собой отложение доклада и решения дела (ст. 883 УУС). Судебная палата рассматривала уголовные дела в пределах отзыва или протеста (ст. 889 УУС). Это положение исключало ревизионный порядок проверки судебного решения. Эта норма закона подвергалась критике, поскольку исследователи считали, что такой порядок лишал палату, рассматривающую дело по апелляционной инстанции, возможности обсуждать те нарушения закона, допущенные окружным судом, на которые не было указано в апелляционном отзыве или протесте [5].

Выделялось два основания для обжалования приговоров окружных судов. Во-первых, подающий жалобу мог указывать на неверную оценку каких-либо обстоятельств судом первой инстанции, во-вторых, мог ссылаться на новые обстоятельства. При этом в законе не содержался перечень случаев, когда стороны могли ссылаться на новые обстоятельства и приводить новые доказательства. Это могло приводить к злоупотреблениям со стороны заинтересованных лиц, которые, не предоставляя доказательства в суд первой инстанции, могли это делать в апелляционном суде и тем самым затягивали процесс. Кроме того, хотя закон и предоставлял судебным палатам право вызывать свидетелей и подсудимых и допрашивать их в судебном заседании, однако апелляционные суды старались этим правом пользоваться как можно реже. Объяснялось это тем, что вызов свидетелей был связан с большими издержками для казны и неудобствами для вызываемых. Поскольку эта норма формулировалась как правило, а не как обязанность судебных палат, то и участие обвиняемых было необязательным [6]. Этим же были вызваны такие нарушения со стороны судебных палат, как отказ в истребовании содержащихся под стражей подсудимых, на что указывал Сенат [7]. К примеру, в практике Иркутской судебной палаты практически не было дел, по которым при рассмотрении по апелляционному производству допрашивались бы свидетели, а участие в заседаниях самих подсудимых были весьма редким явлением [8]. Таким образом, на практике апелляционное производство в судебных палатах ограничивалось пересмотром материалов дела. В связи с

изложенными недостатками в апелляционном производстве в дореволюционный период, такой порядок подвергался справедливой критике, и предлагалось либо упразднить апелляцию, либо ее видоизменить [9]. Проблема заключалась в том, что существовала неопределенность и имели место пробелы в законе относительно рассмотрения дел апелляционной инстанцией, что в свою очередь приводило к недостаткам в работе судебных органов. Желательно было, как отмечали многие юристы, ввести неполную апелляцию в пореформенной России с тем, чтобы окружные суды при рассмотрении дел по первой инстанции исследовали весь фактический материал и все имеющиеся доказательства по делу, а судебные палаты оценивали законность и обоснованность судебных решений, не принимая, по общему правилу, новых доказательств к рассмотрению [10]. Законодателю необходимо было определить, в каких случаях стороны могли ссылаться на новые обстоятельства и предоставлять новые доказательства при обращении в апелляционную инстанцию с целью избежания злоупотребления с их стороны. Кроме того, законодателю необходимо было четко прописать случаи, когда вызов подсудимых был необходим, и тем самым обеспечивались процессуальные права этих лиц.

По итогам рассмотрения дела судебная палата, в соответствии с законом, могла принять одно из следующих решений: 1) оставить отзыв или протест без удовлетворения, а приговор без изменения; 2) отменить обвинительный приговор окружного суда и вынести оправдательный приговор; 3) изменить приговор: смягчить наказание, назначенное окружным судом; 4) отменить оправдательный приговор окружного суда и вынести обвинительный приговор или изменить приговор в сторону усиления наказания, но все это допускалось только в том случае, если об этом был протест прокурора или отзыв частного обвинителя; 5) отменить приговор и прекратить производство по делу [11].

Помимо приговоров окружных судов, т. е. актов, которыми дело разрешается по существу, закон предоставлял право лицам, участвующим в деле, обжаловать в судебные палаты и определения окружных судов, т. е. акты, выносимые по процессуальным вопросам, которыми дело по существу не разрешалось. Порядок подачи и рассмотрения частных жалоб и протестов на определения окружных судов регулировался статьями 893–904 УУС [12].

Жалобы и протесты на определения окружного суда должны были подаваться в тот же суд в двухнедельный срок со дня объявления определения. При рассмотрении жалоб судебная палата должна была решать только поставленный вопрос, не касаясь существа дела.

Окончательные приговоры, вынесенные судебной палатой в апелляционной инстанции, могли быть обжалованы в кассационном порядке лицами, участвующими в деле. Рассмотрение таких дел в кассационном порядке производилось в департаментах Правительствующего Сената. Обжаловать приговоры апелляционной инстанции имели права те же лица, которые были вправе обжаловать приговоры окружных судов в судебные палаты в апелляционном порядке. Однако в ст. 907 УУС устанавливалось ограничение: если лицо в свое время не подало апелляционного отзыва или протеста на приговор окружного суда, оно не могло обжаловать в кассационную инстанцию приговор судебной палаты по этому же делу, если палатой был утвержден приговор суда первой инстанции. Это правило можно оценивать по-разному, поскольку в нем содержалось ограничение права на судебную защиту. Скорее всего, законодатель способствовал тому, чтобы лица, не согласные с неокончательными приговорами окружных судов, вовремя их обжаловали в судебные палаты и тем самым не перегружали большим количеством дел высший судебный орган страны. При этом кассационная инстанция, в отличие от апелляционной, не проверяла обоснованность приговора, она должна была оценивать лишь соблюдение законности. Таким образом, кассационная инстанция оценивала, имело ли место явное нарушение прямого смысла закона, и был ли правильно закон истолкован при определении преступления и рода наказания, а также было ли существенное нарушение процессуальных норм или имело место нарушение пределов ведомства или власти, законом предоставленных судебному установлению [13]. Необходимо отметить, что из указанного правила были некоторые исключения. В частности, в силу ст. 69 «Временных правил о применении Судебных Уставов к губерниям и областям Сибири» от 13 мая 1896 г. Иркутская судебная палата помимо рассмотрения в апелляционном производстве неокончательных приговоров окружных судов, вынесенных ими по первой инстанции, рассматривала в кассационном порядке дела мировой подсудности. В сибирских судеб-

ных округах приговоры мировых судей, вступившие в законную силу, в отличие от Европейской России, подлежали проверке не Сенатом, а судебными палатами [14]. Причинами такого исключения стали отдаленность Сибири от центра, желание приблизить суд к населению, избежать длительного рассмотрения дел. Такая практика была введена не только в Сибири, но и в Закавказье, Туркестане, Закаспийской и Квантунской областях [15].

Примечания

1. Далее по тексту – УУС и УГС.
2. Полное Собрание Законов (Далее ПСЗ). Собр. 3-е. Т. XVI, № 12932. 1896. СПб., 1899. С. 420, 422; Анучин В. Пасынки Фемиды // Сиб. вopr. 1909. № 51–52. С. 61–62.
3. Судебные уставы императора Александра Второго в Сибири, в Туркестане и Степных областях. Закон 13 мая 1896 г. о введении Судебных Уставов в губерниях и областях Сибири с мотивами и объяснительной запиской Министра юстиции / сост. В. Сальмонович, Н. Громов. Томск, 1898. С. 217–219.
4. Ембулаева Н. Ю. Обеспечение прав обвиняемого в истории российского права (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 21.
5. Городинский Я. К. Наши суды и судебные порядки по данным ревизии 1895 года. Уголовное судопроизводство // Журн. М-ва юстиции. 1901. № 4. С. 45.
6. Ембулаева Н. Ю. Обеспечение прав обвиняемого в истории российского права (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 21.
7. Фон-Резон А. Следует ли сохранить апелляционное производство по уголовным делам // Вестн. права. 1899. № 1. С. 69.
8. Курас Л. В., Курас Т. Д., Щербаков Н. Н. Иркутская судебная палата (1897 – февраль 1917 гг.). Улан-Удэ, 2003. С. 112.
9. Фон-Резон А. Указ. соч. С. 63–77.
10. Курас Т. Л. К вопросу о предоставлении дополнительных доказательств в суд апелляционной инстанции: исторический анализ и современные аспекты // Сиб. юрид. вестн. 2001. № 1. С. 51.
11. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб. : Равена, Альфа, 1995. С. 793.
12. Судебные уставы императора Александра Второго в Сибири, в Туркестане и Степных областях. Закон 13 мая 1896 г. о введении Судебных Уставов в губерниях и областях Сибири с мотивами и объяснительной запиской Министра юстиции / сост. В. Сальмонович, Н. Громов. С. 221–222.
13. Белковец Л. П., Белковец В. В. Судебная реформа 1864 г. в России. Новосибирск : СибУПК, 1999. С. 80.
14. ПСЗ. Собр. 3-е. Т. XVI, № 12932. 1896. СПб., 1899. С. 423.
15. Корнева Н. М. Политика самодержавия в области судоустройства и судопроизводства (1881–1905 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. С. 20.